

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ КОНСТРУКЦИЙ ЭКСПРЕССИВНОГО СИНТАКСИСА В ПРОЗЕ Ю. ПОЛЯКОВА

Статья посвящена анализу экспрессивных синтаксических конструкций в произведениях Ю. Полякова. Выявляется функционально-прагматическая сущность таких явлений, как вставная и усеченная конструкции, именительный представления, присоединение и особенности их использования в художественном тексте.

Ключевые слова: *экспрессивная конструкция, вставная конструкция, усеченная конструкция, именительный темы/представления, присоединительная конструкция, функции экспрессивных конструкций в тексте.*

Синтаксис современного русского языка характеризуется ярко выраженной тенденцией к аналитизму, который проявляется прежде всего в экспрессивных конструкциях. Современный синтаксис представлен довольно широким спектром экспрессивных конструкций. Сюда относят такие явления, как парцелляция, сегментация, лексический повтор с синтаксическим распространением, номинативные предложения, вставные конструкции и другие [1; 2]. Ряд экспрессивных конструкций считается открытым. Конструкции указанного типа в художественном тексте выполняют множество важных для автора и читателя функций, многие из которых уже описаны в научных исследованиях [3–5].

Целью нашей статьи является выявление экспрессивных конструкций и их функционально-прагматических особенностей в творчестве современного прозаика Юрия Полякова.

Ю. Поляков – известный российский писатель, плодотворно работающий с 80-х годов прошлого века до наших дней. Из-под его пера вышло много известных произведений, очень смелых для своего времени, например: «ЧП районного масштаба», «Сто дней до приказа», «Козленок в молоке» и др.

Объектом нашего исследования является роман Ю. Полякова, состоящий из двух частей: «Гипсовый трубач, или Конец фильма» [6] и «Гипсовый трубач: Дубль два» [7], а также повесть «Работа над ошибками» [8].

Сюжет «Гипсового трубача...» Ю. Полякова сводится к тому, что автор популярных женских романов Андрей Львович Кокотов и скандально известный режиссер Дмитрий Антонович Жарынин отправляются за город писать киносценарий. В ходе работы они рассказывают друг другу много смешных и грустных историй, в которых отражается и их прошлая жизнь, и жизнь страны, проявляются их жизненные позиции, отношение к отдельным людям и ситуациям. Однако в их спокойную творческую жизнь врываются события большего масштаба, связанные с проблемами внутригосударственными, в частности с собственностью

на землю в историческом заповеднике. Они пытаются спасти Дом ветеранов от бандитов-рейдеров, попадают на прием к высокому чиновнику и даже вступают в переговоры с жуликами.

Повесть Ю. Полякова «Работа над ошибками» посвящена школьной жизни 80-х гг. XX в. [8]. Повествование включает рассказы главного героя – Андрея Михайловича Петрушова о небольшом отрезке его педагогической деятельности и перемежается воспоминаниями о прежней работе в газете, службе в армии, учебе и школьных делах его друзей-коллег. В произведении затрагиваются насущные беды педагогов: проблема авторитета учителя, сложности в работе молодого директора, поведение более раскрепощенных и менее идеологизированных школьников, бойкоты и испытания характера, личная жизнь учителя. В повести отражена «типичная» школьная ситуация, которая стала еще более узнаваемой в современной школе.

На наш взгляд, яркую особенность прозы Ю. Полякова четко выразил Н. В. Переяслов: «...наибольшая “сложность” его прозы заключается в том, что главное в его повестях и романах содержится не столько в самих перипетиях их сюжетов, и даже не столько в тех идеях, которые напрямую декларируются автором и его персонажами по ходу прямого развития событий его произведений, сколько – в тех второстепенных, казалось бы, деталях, которые, составляя побочный фон повествования, как раз и придают ему на самом деле по-настоящему жизненную полноту и узнаваемость» [9, с. 2]. Нам представляется, что «побочный фон» повествования выражается, наряду с другими языковыми средствами, особенно ярко с помощью экспрессивных синтаксических конструкций, в первую очередь вставных и усеченных.

Вставные конструкции (далее – ВК) представлены здесь разными синтаксическими единицами: словосочетаниями, простыми и сложными предложениями. В отличие от вводных конструкций, выражающих субъективную модальность, ВК представляют собой самостоятельное сообщение, включенное в основное предложение. Функции их

в тексте многообразны: уточнение, пояснение, разъяснение, информация в связи с внезапно возникшей ассоциацией и др.

ВК с функцией разъяснения, пояснения, уточнения в произведениях Ю. Полякова можно проиллюстрировать следующими примерами. *За первый же мой материал «Путь к сердцу рабочего» (о безобразной работе треста столовых) главный редактор получил сначала выговор на самом высоком уровне, а потом на еще более высоком уровне благодарность* [8, с. 120]; *Кроме того в маленькой комнате (ее вслед за Борисом Евсеевичем именуют «курзалом») можно обсудить личные и производственные проблемы, пожаловаться на судьбу и директора, примерить обновы* [8, с. 42]; *В зале стоял тот особый столовский запах, который можно сравнить с пищевой симфонией, где есть главная тема (сегодня это были, несомненно, щи), но при этом имеется множество иных мотивов и вариаций* [6, с. 118].

Вставная конструкция может быть выражена самостоятельной предикативной единицей: *– Я бы хотел побеседовать с господином Кокотовым! – потребовал густой мужской голос.*

– Кокотовым, – привычно поправил Андрей Львович, ибо почти никто и никогда не произносил его довольно редкую фамилию правильно с первого раза. (Из трех вариантов ударения все почему-то поначалу выбирали именно тот, который немедленно придавал фамилии легкомысленный, даже блудливый оттенок, что, конечно же, подтверждает давнюю гипотезу о первородной греховности человека) [6, с. 10.]. Функция данной ВК – разъяснение по поводу произнесения фамилии героя.

В романе (особенно в первой части) автор активно использует ВК для передачи реалий прошлой жизни, советского периода: *Впрочем, изредка она делала серьезное лицо, напоминая ему о том, что если с девушкой получится что-нибудь чреватое, он должен повести себя как настоящий мужчина: в серванте для такого случая всегда лежала наготове зеленая полусотенная купюра (немалые по тем временам деньги!)... [6, с. 20]; Развели их без осложнения: потомства они так и не завели (дети, как и пираньи, стоили дорого), а на жилплощадь и совместно нажитое имущество, смехотворное, если быть откровенным, Вероника не имела никаких претензий* [6, с. 7]; *Егор вскоре женился на милой аспирантке Даше, получил трехкомнатную квартиру (дополнительные 20 кв. метров полагались за степень) и без промедления стал счастливым отцом, не переставая при этом биться над расшифровкой таинственного текста* [7, с. 367]; *Андрей Львович неожиданно обнаружил на антресолях две дюжины пыльных бутылок*

«Пшеничной», залежавшихся там со времен горбачевской борьбы с алкоголизмом, погубившей Советский Союз. (Как известно, великую державу сразили две напасти: дефицит алкоголя и переизбыток бездельников, поющих под гитару песенки собственного сочинения.) [6, с. 30]; *Даже когда Тоню принимали на третьем курсе кандидатом в члены КПСС (тогда, в конце перестройки, вдруг решили резко омолодить партию), один из членов бюро туманно заметил, мол, не следует будущей коммунистке столь безответственно играть чувствами юноши с серьезными намерениями* [7, с. 51].

Вставные конструкции, представляющие детали жизни героя юного возраста, представляют параллельный пласт повествования в романе. Они знакомят молодого читателя (а взрослому напоминают) с той жизнью, которая так отличается от нынешней.

Вставные конструкции могут указывать на процесс творчества писателя, происходящий «на глазах» читателя, где все еще зыбко и неоднозначно, где сюжетная линия только начинает проявляться:

Некий гражданин (назовем его Василием) выходит, как и вы в прошлом году, вечером во двор своего дома – подышать воздухом [6, с. 36];

А следом за визжащей собачонкой из темноты вышел хозяин (назовем его Анатолием) и произнес подлейшую по смыслу фразу... [6, с. 36]; Жена (не будем ее никак называть), увидев мужа с собакой, устроила ему сцену, переходящую в скандал, а затем в истерику [6, с. 38].

Ю. Поляков использует ВК для обозначения аббревиатур и сложносокращенных слов, но явно не с одинаковой целью, ср.: *В двадцатые годы Кознера, сочинявшего в юности стихи в духе Надсона, бросили руководить секцией литературной критики Союза революционных писателей (СРП)* [6, с. 69]; *Оказывается, чтобы попасть на жительство в «Ипокренино», пожилому деятелю нужно было обладать, во-первых, как минимум, званием «Заслуженный работник культуры» (сокращенно «Засрак»), а во-вторых, собственной жилплощадью* [6, с. 179]. Понятно, что такое сокращение вносит в повествование нотки юмора, граничащего иногда с сарказмом. Или явную иронию: *Сказано это было с той обидчивой иронией, с какой дамы частенько говорят о своих «однопольчанках» (от слова «пол», разумеется), стоящих на ступенях женского совершенства гораздо выше, нежели они сами* [7, с. 81].

Примечательно, что ВК в романе встречаются в основном в авторской речи, а в повести – только в речи главного героя, от лица которого ведется повествование (за исключением лишь одной ВК, принадлежащей речи его коллеги). ВК используются

для разъяснения новой номинации героя, возникающей по ассоциации его фамилии и художественного героя: *Звонок давно отобилизовал учителей на шестой урок и оборвал споры о поединке Лебедева и Кирибеевича (шутка Котика)* [7, с. 107]; для уточнения лица: *Нарушитель (опять Кирибеев!) монолитно сидел на своем месте, образуя со столом единое целое* [8, с. 20]. В последнем примере, наряду с уточняющей функцией ВК, проявляется функция модально-оценочная. Информация вставной конструкции является эмоционально насыщенной, оформляется восклицательным знаком и, по сути, выполняет еще и функцию вводной конструкции: передает субъективную модальность. Речь идет о «трудном» ученике, создавшем ситуацию, которая привела к возникновению множества школьных проблем.

ВК используется автором и для сопоставления некоторых элементов нынешней школьной жизни и той, в которой учился герой: *Единственный, кого я не пощадил, – перемазанный синей пастой Шиббаев (представляю, что бы с ним было в эпоху чернильных авторучек), ему абсолютно все равно: сидеть на седьмом уроке или терзать учителя группы продленного дня* [8, с. 79]. ВК формирует у читателя яркий образ ученика и, как следствие, вызывает улыбку. Функцию характеристики выполняет следующая ВК: – *Оценки за урок, – объявила Казаковцева и раскрыла тоненькую тетрадь (ставить отметки сразу в журнал она пока не решает), – Таня – «три», Коля – «пять»...* [8, с. 10]. Замечание героя, представленное как попутное, подсказывает читателю, что перед ним молодая учительница, робкая, не очень уверенная в себе, что проявляется и в оформлении школьных документов. Подача данной информации как дополнительной, второстепенной объясняется тем, что для Петрушова главным в этой героине является совсем другое: он видит в ней прежде всего молодую интересную женщину, к которой он не равнодушен.

Наконец, ВК в повести используется в качестве необычного способа передачи чужих слов, чужого мнения, которое явно идет вразрез с учительским, (потому-то и появляется здесь восклицательный знак), что в данном случае сигнализирует об удивлении и явном несогласии с таким утверждением: *Расходенков возмущенно заявил, что его сын абсолютно не знает и никогда не узнает немецкого языка, но не из-за отсутствия способностей (и слух абсолютный, и память феноменальная!), а из-за профессиональной непригодности преподавателя Лоты Вильгельмовны, которая имела глупость сказать Валерию Анатольевичу, что в условиях школы без репетитора язык по-настоящему не выучишь!* [8, с. 81].

Следует отметить, что достаточно часто встречающиеся ВК в начале повести практически полностью исчезают к кульминации сюжета. Когда разгорается конфликт и события начинают развиваться динамично – описывается напряженность ситуации, поиски достойного выхода из нее учителя, главного героя повести, вставным конструкциям, несущим дополнительную информацию, видимо, не находится места. Они исчезают из внутренней речи героя. И лишь в конце повести, как бы подводя итог истории, появляется вставная конструкция с оценочной функцией: *И вот я – нет, не тогдашний самонадеянный первокурсник, а сегодняшний неполучившийся учитель – спустился в вестибюль и услышал доносившееся из пионерской комнаты металлическое кудахтанье горна* [8, с. 206].

Другой вид экспрессивных конструкций, активно используемых писателем, – конструкции усеченные. Под усеченными, или прерванными, конструкциями мы понимаем высказывания с невербализованной семантикой, с отсутствием интонации законченности. По замечанию И. В. Артюшкова, их можно назвать окказиональными образованиями, в отличие от конструкций полных и неполных, которые можно квалифицировать как узуальные [10]. В усеченной конструкции формальным показателем ее незаконченности является многоточие.

Как известно, многоточие обозначает перерывы (прерывания) в предложении, в тексте. Под перерывом нами понимается «наличие такой задержки в процессе изложения мысли или выражения чувства, которая не связана с особенностями синтаксического строения предложения» [11, с. 141]. Повесть Ю. Полякова буквально пестрит этим знаком, трудно найти страницу, где он не присутствовал бы. Большая часть усеченных конструкций сигнализирует читателю о «рассуждениях по поводу» главного героя. Повествуя о какой-либо текущей ситуации, герой повести мысленно возвращается к тому или иному эпизоду из своей жизни или рассуждает по поводу происходящего, дает свои оценки, комментарии разного плана. Многие из них заканчиваются одинаковой фразой – «Но я отвлекся...», которая возвращает его (и вместе с ним читателя) к событиям настоящим.

Например, Петрушов идет по коридору школы и, услышав голос учительницы за дверью класса, вспоминает: 1) *Помню, как во время весенней практики Алла обиделась на непослушных ребят, расплакалась и выбежала из класса (...) Вот так живешь, ощущая себя тридцатилетним младенцем, а потом внезапно оглянешься и увидишь, что друзья твоей юности неузнаваемо изменились (...) Но я отвлекся...* [8, с. 19];

2) *А вот в кабинете истории – творческий беспорядок, слышно, как ребята шумно доказывают недоверчивой Кларе Ивановне Опрятинной необходимость установления абсолютной монархии во Франции.* И далее герой повести, характеризуя учителя, рассуждает по поводу выбранной ею должности. *Дискуссии и педагогические эксперименты – ее слабость (...) Никогда не пойму, зачем Клара Ивановна согласилась быть завучем. Это так же нелепо, как если бы она взялась вести занятия по строевой подготовке вместо нашего военрука (...) Мало того, Опрятинна чуть не стала директором! Но я отвлекся...* [8, с. 19];

3) *Поэтому те вечера, когда она могла остаться со мной, становились редкими праздниками. А утром она вела себя так, точно никакой наготы у нее нет и не было, и я действительно почти не верил в нашу недавнюю близость, или, как выражаются мои ученики, – «контакт».* **С Аллой было совсем не так... Но я отвлекся** [8, с. 159]. Наряду с усеченными конструкциями здесь используется прием синтаксического повтора, который в данном случае является определенной вехой для читателя: обычным способом «возвращения» героя из своих воспоминаний к действительности.

Тот же прием находим в романе: **Телефон все звонил.** Андрей Львович встал и побрел на кухню. [6, с. 6]. Далее целая страница текста представляет воспоминания героя о распаде семейной жизни, вплоть до картины развода с женой: *...Вскочив на подножку, она обернулась, показала бывшему мужу длинный язык и, победно хлопнув дверцей, скрылась за непроглядными стеклами, исчезла, так сказать, во тьме своей новой светлой жизни.*

А телефон все звонил... [6, с. 6].

Благодаря внутренним монологам героя повести, заканчивающимся обычно усеченными конструкциями, читатель чувствует его живую, пульсирующую мысль, лучше понимает его отношение к происходящим событиям, к восприятию жизни вообще. Именно в обрывках «воспоминаний, в мимолетно отмеченных изменениях окружающей реальности, в выплывающих между делом подробностях вчерашнего быта, в случайно попавших в авторское поле зрения сценках уличной жизни, в личных наблюдениях над тем, как меняют человека любовь, деньги, власть или внезапные трудности, в тончайших нюансах человеческих характеров и множестве других “мелочей”» возникает в повести тот фон повествования, без которого «настоящая литература превращается в мертвые, искусственно сотворенные из россыпи случайных слов, тексты» [9, с. 3].

Вот как представлено прощание со школой главного героя повести, учителя, случайно попавшего в школу, немного здесь проработавшего, но

честного в отношениях с детьми и успешного уже привязаться к ним. *Я прощальной походкой шел по школьному коридору и вспоминал, как пятнадцать лет назад, победоносно сдав вступительные экзамены в педагогический институт, забежал похвастаться в свою школу(...) Я зашел в свой класс, сел за свою парту... Погоди, где я сидел? Теперь вспомнил! Парты у нас были мощные (...)* [8, с. 206]. Перед читателем проходит ряд событий из школьной жизни самого учителя. Воспоминания оформляются «перерывами» внутренней речи с помощью многоточия, им же и заканчиваются: **Впрочем, минувшее, пройденное, даже если в нем полным-полно ошибок, всегда дорого, потому что невозвратимо...** [8, с. 206]. Именно усеченные конструкции, передающие незаконченность мысли, объясняют читателю его погруженность в воспоминания, дорогие его сердцу, где не все можно передать словами.

Используются многоточия и в обычной своей функции: для передачи взволнованности, смущения (при разговоре с женщиной, к которой герой испытывает явную симпатию): – *Видите ли, Елена Павловна, для того чтобы выяснить этот непростой вопрос, нам нужно встретиться в неофициальной обстановке... Многого не обещаю, но скучно не будет!..*

И я понял, что меня повело... Бывают же настоящие мужчины, такие неразговорчивые небожители, с ходу подкупающие своей глубинной задумчивостью! [8, с. 12]; для передачи возмущения:

– *Прежде чем сделать вам такое предложение, я собрал о вас материал.*

– *Вы за мной следили?*

– *Наблюдал.*

– **Ну, знаете... Я...**

Однако Жарынин уже повесил трубку, и Кокотов, слушая гудки, подумал о том, что судьба непредсказуема, словно домохозяйка за рулем... [6, с. 14].

Усеченные конструкции, наряду с лексическими синонимами, используются автором для передачи процесса поиска нужного слова, более точного, более меткого: **Но в те несколько мгновений, пока длился этот очный поединок, в сознании Андрея Львовича мелькнуло... Нет, не мелькнуло! Пронеслось... Нет, не пронеслось! Промигнуло! Да, пожалуй, промигнуло все, что он помнил о Тае** [6, с. 243].

Рассматриваемый синтаксический прием применяется для передачи особенностей речи пьяного человека, который затрудняется не в поиске нужного слова (фраза для героя «штампованная»), а в возможности произнесения фразы целиком, на одном дыхании: – **Если бы она пришла раньше на полгода... спас бы! Не опаздывайте к врачу, ре-**

бятки! Вот... визитки... звоните в любое время! Ночью, утром, в метель... В любое! [7, с. 160]. Ср. подобную фразу, произнесенную этим же героем в другом состоянии: *И не падай! Но если что – сразу к ней: утром, ночью, в метель. Спасет!* [7, с. 164].

Кроме описанных экспрессивных конструкций, в произведениях Ю. Полякова встречаются (в гораздо меньшем количестве, чем рассмотренные) сегментированные конструкции, в частности именительный темы/представления, например: *Удивительное дело! В сложившейся ситуации все по-своему правы: девятый класс спасает товарища, Стась – карьеру...* [8, с. 158]. Примечательно, что все конструкции с именительным темы/представления в повести используются не в диалоге, а в монологической речи главного героя (как и ВК). Как отмечает Г. Н. Акимова, употребление разговорных конструкций в авторской речи художника слова – это вторая ступень вхождения устных конструкций в литературный язык. Именно на второй ступени вхождения в письменную речь и создаются экспрессивные синтаксические конструкции [1, с. 100].

Такие конструкции становятся синтаксическим элементом художественной речи, которая имеет целью не столько имитировать устную речь, сколько воздействовать на читателя: актуализировать тему, вызывать определенные представления. Например, следующая номинативная конструкция вызывает яркое представление об одной реалии школьной жизни: *О, закрытая классная дверь! За ней происходит чудо воспитания и обучения, таинственный процесс взаимообогащения учителя и ученика. Если прислушаться к звукам, доносящимся из кабинетов, можно немало узнать о тех, кто, стоя у доски или расхаживая между партами, сеет в пределах школьной программы разумное, доброе, вечное...* [8, с. 16]. Раскрытие этого понятия словами героя не только уточняет возникшее уже представление читателя, но и характеризует самого говорящего его отношением (ярким, эмоциональным) к данному явлению: к школе, учителю. См. также: *Они, подбадривая друг друга, склоняются над кроссвордом, испещренным самой разнузданной площадной бранью, и, наконец, происходит объяснение. О, это первое признание в любви, тихое, робкое, нежное, как дуновение розового рассветного ветерка над камышовой заводью!..* [6, с. 66].

Надо отметить, что все сегментированные конструкции указанного типа эмоционально окрашены.

Что касается повести Ю. Полякова, то надо отметить ее чрезвычайную эмоциональность в синтаксическом плане: на каждой странице текста находим в среднем 4–5 восклицательных предложе-

ний, а то и 10–14 [8, с. 115, 117]. Экспрессивность и эмоциональность синтаксической организации повести «Работа над ошибками» объясняется, как нам кажется, не только описанием действующих героев определенного статуса – учителей и учеников, людей, по роду своей деятельности и возрасту эмоциональных, активно воспринимающих жизнь, но и собственным неравнодушием к раскрываемой «горячей» теме.

Использование присоединительных конструкций – не очень частый прием писателя, но тоже достаточно выразительный. Как известно, такие конструкции обычно возникают в сознании не одновременно с основной мыслью, а лишь после того, как она высказана. Как писал Л. В. Щерба, «второй элемент появляется в сознании лишь после первого или во время его высказывания» [12, с. 80]. Присоединяемый компонент несет дополнительные сообщения, пояснения и прикрепляется к основному высказыванию посредством присоединительной связи: *А вот я вас, дорогой Андрей Львович, везу в другую жизнь! И кстати, попутно дарю еще один сюжет для нового романа из цикла «Лабиринты страсти». Так, на всякий случай, если мы с вами не сработаемся!* [6, с. 62]. Присоединение актуализирует присоединяемые члены предложения, является маркером появления новой, дополнительной мысли: *Когда стали выпускать, он ведь в Израиль уехал с детьми и внуками, а потом вернулся! Один. И знаешь почему?* [7, с. 165]. Прием присоединения использует автор исследуемых произведений и для подбора более точного слова (ту же функцию, как было указано, может выполнять и усеченная конструкция). Присоединение новой, уточненной информации может сопровождаться оценочной функцией: *Скучно, говорит, нет там масштаба! Вот ведь поколение! Железное! Нет, не железное. Титановое!* [7, с. 165]. Наконец, присоединительные конструкции могут передавать особый способ речи:

– *Нинка?* – изумился Андрей Львович.

– *Узнал. Еле нашла. Через Союз. Писателей.*

– *А что случилось?*

– *Случилось. В прошлом году. Ада Марковна. Умерла.*

– *Отчего?*

– *Онкология. Неоперабельная.* [7, с. 143].

Таким образом, экспрессивные конструкции в творчестве Ю. Полякова выполняют множество прагматических функций, наряду с эстетической. Это делает его прозу более интересной, насыщенной множеством значимых деталей, несущих на себе «внесюжетный поток» информации, «в который как раз и “упакованы” авторские наблюдения и размышления над действительностью сегодняшней России» [9, с. 2]. Данные конструкции воздей-

ствуют на читателя с целью приобщения его к решению описываемых проблем. Приобщиться же к идее автора можно, «лишь собрав воедино все языковые сигналы ее воплощения – как открыто выра-

женные словом, так и те, что скрыты в подтексте» [13, с. 16], что, как нам кажется, достаточно легко удастся вдумчивому читателю произведений Юрия Полякова.

Список литературы

1. Акимова Г. Н. Новое в синтаксисе современного русского языка. М., 1990. 168 с.
2. Сковородников А. П. Экспрессивные синтаксические конструкции современного русского литературного языка. Томск, 1981. 255 с.
3. Ковалев В. П. Языковые выразительные средства русской художественной прозы. Киев, 1981. 184 с.
4. Глебская Т. Ф. Вставные конструкции в романе А. Битова «Пушкинский дом» // Текст и языковая личность: материалы V Всерос. науч. конф. с междунар. участием. Томск. 2007. С. 64–70.
5. Яцуга Т. Е. Регулятивный потенциал стилистических фигур в поэтических текстах З. Гиппиус // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2006. Вып. 5. С. 118–123.
6. Поляков Ю. Гипсовый трубоч, или Конец фильма. М., 2009. 381 с.
7. Поляков Ю. Гипсовый трубоч: Дубль два. М. 2010. 488 с.
8. Поляков Ю. Работа над ошибками. М., 2009. 252 с.
9. Переяслов Н. Как читать Юрия Полякова?.. (Вместо рецензии на роман «Грибной царь. Вся жизнь и 36 часов почти одинокого мужчины»). М., 2005. URL: <http://zavtra.ru>
10. Артюшков И. В. Норма и явление переходности в синтаксисе (На материале неполных и прерванных предложений) // Явления переходности в грамматическом строе современного русского языка. М. 1988. С. 58–73.
11. Шапиро А. Б. Современный русский язык. Пунктуация. М., 1966. 296 с.
12. Щерба Л. В. О частях речи в русском языке (1929) // Избранные работы по русскому языку. М., 1957. 188 с.
13. Кайда Л. Г. Эффективность публицистического текста (средства выражения авторской позиции). М., 1989. 216 с.

Глебская Т. Ф., кандидат филологических наук, доцент.

Томский государственный педагогический университет.

Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634041.

E-mail: gleb56@mail.ru

Материал поступил в редакцию 14.01.2013.

T. F. Glebskaya

FUNCTIONING OF EXPRESSIVE SYNTAX CONSTRUCTIONS IN Y. POLYAKOV PROSE

The article points to expressive syntax constructions of up-to-date Russian in fiction on the definite material – Y. Polyakov's works of literature. Functional and pragmatic essence of phenomenon such as insert and reduced constructions, nominative of presentation, addition and peculiarities of its usage in a text are examined.

Key words: *expressive construction, insert construction, reduced construction, nominative of presentation, additional construction, functions of expressive constructions in a text.*

Tomsk State Pedagogical University.

Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061.

E-mail: gleb56@mail.ru